

С актерами Малого театра в Одессе

Убежден, что любой одессит, как бы далеко он ни жил от родного города, попади ему в руки альманах "Дерибасовская — Ришельевская", прочитывает его от корки до корки, а затем долго и подробно пересказывает своим менее удачливым друзьям и приятелям — им не повезло родиться и вырасти в Одессе.

Любой одессит — всегда должник своего города и просто обязан сделать что-то хорошее для города "у самого синего моря" (или "моря").

Так вот, я надеюсь, я почти уверен, что осенью к вам придет старейший театр России, знаменитый Малый. Тот самый Малый, который так много сделал для развития культуры южной столицы еще той России.

Посылаю вам статью замечательного театроведа Анатолия Яковлевича Альтшулера, которая была опубликована в одном из томов "Библиотеки Малого театра", посвященном А.П. Ленскому. Хочется верить, что в истории культуры Одессы эти исследования не будут лишними.

Валерий ПОДГОРОДИНСКИЙ

Летом 1889 года Чехов провел двенадцать дней в Одессе рядом с гастролировавшей там группой актеров Малого театра. Никогда еще в его жизни не было периода такого тесного и каждодневного общения с актерской братней, как в те июльские дни.

Позвал его туда премьер группы, знаменитый артист Малого театра Александр Павлович Ленский — новый приятель. Познакомился Чехов с ним совсем недавно, в 1888 году, но видел его на сцене до этого и даже писал о нем. Ленский служил в Малом театре, затем в 1882 году перешел на Александринскую сцену и вскоре вернулся в Москву. Он был снова зачислен в труппу Малого театра в феврале 1884 года, но еще перед Новым годом гастролировал там в ролях Гамлета, Дон Жуана, Петруччио ("Укрошение строптивой"), Великатова ("Таланты и поклонники"). Вот тогда-то Чехов и писал о нем в корреспонденциях из Москвы, которые печатались в петербургском журнале "Осколки". "У нас временно проживает (вероятно, не без паспорта) ваш первый любовник Ленский, бывший когда-то нашим. Он еще более потолстел против прежнего, обрюзг малость, но фигурен и французист по-прежнему. Москвички встретили его такими аплодисментами, после которых с ладоней сползает верхняя кожа, а мужья и братья москвичек возводят его в Сальвинии и во все лопатки торгуются с театральными барыш-

никами. Теперь он у нас баловень, словно кадет, приехавший на каникулы к маменьке" [Соч. 16. 70]. Потом Чехов еще не раз упомянет Ленского в своих московских очерках, все в том же "осколочном", шутивно-ироническом духе. То он скажет, что гастролирующий в Москве немецкий трагик Поссарт "совсем ступшевывает нашего фарфорового и бонбоньерочного трагика Ленского", то сообщит, что "толстеющий с каждым днем г. Ленский начинает худеть", то посмеется над "закатыванием глаз" Ленским.

Подобные отзывы не задевали актера. К тому времени он был достаточно известен, если не сказать знаменит, о нем восторженно отзывалась пресса, да и вряд ли он следил за случайными упоминаниями его имени в петербургском юмористическом журнале. Во всяком случае, когда они встретились, давние чеховские выпады между ними не стояли.

В сезоне 1888/89 года Чехов и Ленский часто встречались, бывали друг у друга, говорили о театре. Ленский был старше, но так же как во взаимоотношениях Чехова с Давыдовым и Свободным разница в возрасте — в данном случае тринадцать лет — не ощущалась. Вообще следует сказать, что друзья и приятели еще не достигшего и тридцати лет Чехова были, как правило, много старше его. Достаточно назвать А.С. Суворина и А.Н. Плещеева. Ранняя зрелость писателя, глубокий и трезвый ум делали его мудрее своих лет.

Образованный человек, теоретик сценического искусства, хорошо знавший театральную провинцию, Ленский был интересным для Чехова собеседником. Если Давыдов и Свободин были людьми литературными, и это в них привлекало Чехова, то Ленский был носителем другой близкой Чехову театральной идеи: актер ратовал за необходимость строжайшей дисциплины в работе, боролся с замашками актерской богемы (тут Ленский был заодно с Давыдовым, тогда как Свободин богемы не чурался).

Но имела и существенная разница в отношении Чехова к Давыдову и Свободину с одной стороны, и к Ленскому — с другой. Давыдов и Свободин близки Чехову как художники, они "его" актеры, творческий же облик Ленского, знаменитого создателя героических и романтических образов, был далек от чеховской эстетики. И хотя Чехов больше не аттестовал Ленского как "фарфорового трагика", не упоминал о "закатывании глаз", все равно многие любимые герои Ленского не могли вызывать отклика в душе Чехова.

Сдержанно оценивая Ленского-трагика, Чехов высоко ставил его как характерного актера и чтеца. В своих письмах Чехов неоднократно упоминал о нем как о своем приятеле: "мой приятель и вообще милый человек" (Сахаровой, 13 января 1889 г.); "мы с ним приятели и знакомы семейно"

(Леонтьеву, 6 мая 1889 г.). Слово "семейно" здесь следует понимать так: с чеховской стороны — это мать и сестра писателя, всегда тепло встречавшие у себя Ленского; со стороны актера — жена его Лидия Николаевна, среди близких — Лика, с которой у Чехова возникла, по его словам, "канитель вроде дружбы" (Ал. Чехову, 16 ноября 1888 г.).

В эти годы Ленский намеревался выступить в двух пьесах Чехова. В конце 1888 года он хотел играть старого комика Светловидова в "Калхасе", а на следующий год Чехов обещал к его бенефису "Лешего". Ленский должен был взять роль Хрущева, персонажа, который стал Астровым в "Дяде Ване". Ленский, так же как и Свободин, был в курсе работы Чехова над "Лешим". Но упомянутые пьесы не были поставлены в Малом театре.

В письмах к Суворину начала 1889 года Чехов часто говорил о Ленском, репетировавшем тогда роль журналиста Адашева в "Татьяне Репиной". "Ленский, по-видимому, взял верный тон и будет играть хорошо. Я сегодня был у него. Он сердился, горячился и читал мне места из монологов. Сердится он, что в его говорильной роли мало движения, что Вы заставляете в III акте подбирать черепки битой посуды. Черепки не подбирают (их никто не жалеет), а отбрасывают ногой... Это актер, с которым можно говорить и спорить" (8 января 1889 г.) [П. З. 134-135].

В роли Адашева Ленский, по мнению Чехова, был "страстен, горяч, эффектен и необычайно симпатичен. Это хорошо. Публика должна видеть журналистов не в карикатуре и не в томительно-умной давыдовской оболочке, а в розовом, приятном для глаза свете" (А.Н. Плещееву, 15 января 1889 года) [П. З. 139]. Что касается оценки давыдовского исполнения роли Адашева, то тут проявилась обида Чехова на актера в связи с их размолвкой в январе того же года при постановке "Иванова" в Петербурге.

О взаимоотношениях Ленского и Чехова в конце 1880-х вспоминал литератор В.А. Сергеенко. "Надо было слышать, с каким присущим Александру Павловичу воодушевлением, захватывающим слушателей, он говорил о даровании Чехова и с каким неподражаемым мастерством читал в интимных кружках чеховские рассказы! Но надо было видеть, какими прелестными зарницами вспыхивало меланхолически вялое лицо Антона Павловича, когда он говорил с Ленским или о Ленском". Чехов собирался с Ленским издать "Хрестоматию сценического искусства". Они испытывали радость от взаимного общения, часто встречались, приглашали друг друга в совместные поездки. В мае 1889 года Ленский звал Чехова ехать с ним в Тифлис, куда он с группой актеров Малого театра отправлялся на гастроли. Но из-за тяжелой болезни брата Николая писатель не мог туда

поехать. В июне того же года Н.П. Чехов умер, актеры Малого театра, побывав после Тифлиса в Батуми и Севастополе, ехали в Одессу и снова пригласили Чехова приехать туда "отдохнуть и отвлечься". Вышла путаница с телеграммами, но, удостоверившись, что приглашение исходит именно от А.П. Ленского ("если Ленского зовут Александром Павловичем, то выеду вторник", — телеграфировал Чехов П.А. Сергеевко 25 июня 1889 г.) [П.З.226], он поехал в Одессу вместе с братом И.П. Чеховым.

Газета "Одесские новости", печатавшая списки лиц, остановившихся в городских гостиницах, сообщила, что 4 июля 1889 года в "Северную гостиницу" приехали "Чехов И.П., доктор из Москвы и Чехов А.П., учитель оттуда же". Профессии братьев были перепутаны. Имена Чеховых шли в одном ряду с другими, ничем не примечательными гостями Одессы. Писатель был уже достаточно известен, но все-таки не настолько, чтобы его приватный проезд был как-то специально отмечен в прессе.

Основная группа "московского товарищества", как называли себя гастролеры, прибыла пароходом из Севастополя и уже разместилась в "Северной гостинице": тут были руководитель поездки О.А. Правдин с женой, А.П. Ленский с женой, К.А. Каратыгина, И.Н. Греков с женой, М.Ф. Багров, Г.В. Панова, Е.П. Александрова и другие артисты. Некоторые предпочли жить отдельно: так, премьерша труппы И.П. Уманец-Райская выбрала "Петербургскую гостиницу" и в посиделках коллег-актеров не участвовала.

Еще до отъезда в Одессу Чехов говорил, что его влечет туда "неведомая сила", называл себя "одесским гастролером", иронизировал над своим желанием побыть рядом с актерами, теснее сблизиться с ними. Так и получилось. С утра до вечера он находился в их компании, вместе с ними купался, катался на яхте, обедал, пил чай, ходил по винным погребок и на спектакли, а потом участвовал в оживленных ночных застольях. И так каждый день. Московские актеры и актрисы были очарованы молодым, но уже знаменитым литератором. Мало того, что он цементировал их компанию, оживляя ее, вносил дух веселья и дружелюбия, — он еще и выполнял функции врача: выстукивал, выслушивал, давал советы и прописывал лекарства. Все стремились заполучить его, искали его общества, наперебой приглашали к себе в номер — поговорить за бутылкой красного вина, услышать его мнение о спектакле. После пребывания в Одессе, по пути в Ялту на пароходе "Ольга", Чехов подробно и с удовольствием описывал брату свое одесское житье.

"Без тебя жил я почти так же, как и при тебе. Вставал в 8-9 часов и шел с Правдиным купаться. В купальне мне чистили башмаки, которые у меня,

кстати сказать, новые. Душ, струя... Потом кофе в буфете, что на берегу около каменной лестницы. В 12 ч. брал я Панову и вместе с ней шел к Замбрини есть мороженое (60 коп.), шлялся с нею к модисткам, в магазины за кружевами и проч. Жара, конечно, несветимая. В 2 ехал к Сергеенко, потом к Ольге Ивановне борща и соуса ради. В 5 у Каратыгиной чай, который всегда проходил особенно шумно и весело; в 8, кончив пить чай, шли в театр. Кулисы. Лечение кашляющих актрис и составление планов на завтрашний день. Встревоженная Лика (Ленская. — **Ан. А.**), боящаяся расходов; Панова, ищущая своими черными глазами тех, кто ей нужен, Гамлет-Сашечка (Ленский. — **Ан. А.**), тоскующий и изрыгающий громь; толстый Греков, всегда спящий и вечно жалующийся на утомление; его жена — дохленькая барыня, умоляющая, чтобы я не ехал из Одессы; хорошенькая горничная Анюта в красной кофточке, отворяющая нам дверь, и т. д. и т. д. После спектакля рюмка водки внизу в буфете и потом вино в погребке — это в ожидании, когда актрисы сойдутся у Каратыгиной пить чай. Пьем опять чай, пьем долго, часов до двух, и мелем языками всякую чертовщину. В 2 провожаю Панову до ее номера и иду к себе, где застаю Грекова. С ним пью вино и толкую о Донской области (он казак) и о сцене. Этак до рассвета. Затем шарманка снова заводилась, и начиналась вчерашняя музыка" [П. З. 230].

С "казаком" И.Н. Грековым и его женой, "дохленькой барыней" М.А. Самаровой, жизнь еще столкнет Чехова. Бывший донской казак, богатый помещик, Греков был человеком одаренным и образованным — он окончил училище правоведения в Петербурге, но посвятил себя сцене, и кроме работы в Малом театре был в 1889-1891 годах режиссером Общества искусства и литературы. Там шли "Лес", "Плоды просвещения", где играли К.С. Станиславский, А.Р. Артем, В.Ф. Комиссаржевская и жена И.И. Грекова — актриса М.А. Самарова, впоследствии служившая в Московском Художественном театре.

Душой компании была Клеопатра Александровна Каратыгина, немолодая уже актриса, пользовавшаяся всеобщей любовью. Это у нее в гостиничном номере актеры и Чехов собирались после спектакля и сидели далеко за полночь. В номер набиралось много народу, каждый что-то приносил; конечно же, как всегда не хватало стаканов, но самим бегать по номерам не надо было: их доставлял старый горничный лакей Михайло, облаченный во фрак и белые нитяные перчатки. Эти сборища друзья окрестили "вечера Антония и Клеопатры". Чехов подарил Каратыгиной свою фотографию с надписью: "Клеопатре Александровне Каратыгиной на память о № 48 Северной гостиницы от одесского гастролера А. Чехова". С тех

летних одесских дней К.А. Каратыгина вошла в биографию Чехова, они виделись и переписывались, причем последнее письмо актрисы Чехов получил незадолго до смерти и не успел ответить на него.

К.А. Каратыгина была умным, наблюдательным, много видевшим и испытанным человеком. Дочь скрипача оркестра петербургского театра и артистки оперы, она после учебы в петербургской театральной школе в 1869 году уехала в провинцию. Ее муж, А.А. Каратыгин, — племянник прославленного петербургского трагика В.А. Каратыгина. Молодой актрисой, еще до вступления в труппу Малого театра, она исколесила центральную Россию, Сибирь и Дальний Восток. Играла в Иркутске, Хабаровске, Перчинском заводе, Нижнеудинске, Владивостоке.

Годы, проведенные в Иркутске (1873-1877), Каратыгина называла лучшим временем в своей жизни. В 1878 году актриса ездила на Сахалин. Узнав, что Чехов собирается на каторжный остров, она вызвалась помочь ему советами и рекомендательными письмами к людям, жившим в Сибири: к ним Чехов мог обратиться и получить помощь во время своего долгого пути.

В начале марта 1890 года, когда Чехов готовился к поездке на Сахалин и им овладела, как он говорил, "Mania Sachalinosa", он получил из Петербурга пространное письмо от К.А. Каратыгиной (14 страниц, покрытых с обеих сторон мелким почерком) с рассказом о сибирских городах, о людях, которых она знала, о том, кого она предупредила о настоящем приезде Чехова, что следует посмотреть и т. д. "Я уверена, — сообщала она Чехову, — что в Иркутске Вы будете радушно приняты, ибо я туда писала". Она советовала Чехову посмотреть, как плавят золото на Нерчинском заводе и, "если там живо семейство доктора Уласевича, познакомиться, люди милые". Рассказывала о семействе золотопромышленников Сибиряковых: "Маменька их была типа Кабанихи. Вообще там можно встретить массу живых типов Островского".

Рассказ о Сибиряковых имел свой подтекст. Клеопатра Александровна не могла не знать, что имя Чехова уже год как связывают с именем проживавшей в Москве вдовы миллионера-золотопромышленника Сибирякова. Женитьба на богатой — постоянная тема шуток Чехова. Он так много об этом говорил, что возникшая сплетня обросла подробностями, и некоторые знакомые всерьез поверили — Чехов собирается жениться на Сибиряковой. "Все студенты толкуют о том, что я женюсь на миллионерше", — с недоумением и обидой писал Чехов еще до отъезда в Одессу 16 марта 1889 года. [П. 3. 180].

Как вспоминала Каратыгина, перед отъездом на Сахалин Чехов был

у нее "раза три". Веселая и остроумная, Каратыгина в переписке с Чеховым поддерживала привычный для него шуточный тон, называла его "нарядным литератором", "адски нарядным литератором", живо интересовалась его литературной работой, гордилась знакомством с ним. Чехов называл ее, исколесившую всю Россию, "великой актрисой земли русской", дарил ей свои книги, помогал в ее творческих и житейских делах.

Когда Чехов познакомился с Каратыгиной, ей было уже больше сорока лет. И хотя она ни в чем не отставала от молодежи, была с нею, что называется, "на равных", молодые актрисы называли ее "гувернанткой". Прозвище это возникло потому, что Каратыгина пыталась направлять их личную жизнь. Она деликатно и тонко поощряла в Одессе ухаживания Чехова за бывшей балериной, ныне драматической актрисой Глафирой Викторовной Пановой, которая два года была в труппе Малого театра и, по отзывам тех лет, вносила в исполненные ею роли (Негина в "Талантах и поклонниках", Эльвира в "Дон Жуане") много поэтичности, тонкого изящества, хрупкой женственности. Она мечтала занять видное место в труппе Малого театра и делилась своей мечтой с Чеховым. Он подарил ей недавно изданную книгу "В сумерках", на которой написал: "Глафире Викторовне Пановой. Будущему светилу с громадной славой и с 12 000 жалованья от автора". Двенадцать тысяч получила знаменитая Г.Н. Федотова. Двдцатилетняя Глафира Панова была привлекательной женщиной — огромные глаза и казавшееся испуганным от застенчивости лицо. Чехов был увлечен Пановой, но, как всегда в таких случаях, остерегался серьезных отношений. Он то и дело подтрунивал над собой, называл себя А. Пановым, говорил, что много денег потратил на угощения ее мороженым и т. д. Испытанный чеховский прием. Как только, не дай Бог, что-то шевельнется в его душе, он сразу же предавал это гласности, посмеивался над едва возникшим чувством и таким образом истреблял его в самом начале. Молодой Чехов превыше всего ставил свою независимость, боялся любви и освобождался от нее вернейшим способом своего искусства — иронией и юмором.

В рассказе "У знакомых" (1898) читаем: "Она была не в силах скрывать своих чувств, и ее вся фигура, и блеск глаз, и застывшая счастливая улыбка выдавали ее сокровенные мысли, а ему было неловко, он сжался, притих, не зная, говорить ли ему, чтобы все, по обыкновению, разыграть в шутку, или молчать", — это Чехов о себе [Соч. 10. 22]. От многих серьезных вопросов он отшучивался.

Рассуждая об отношениях Чехова с женщинами, Томас Манн писал, что к нему никак невозможно было подступиться. Некоторым удавалось, но не надолго.

Среди спектаклей, в которых играла Панова, была комедия Эркмана – Шатриана "Друг Фриц". Переделанную из одноименного романа тех же авторов пьесу показали на гастролях, и после этого осенью она несколько раз прошла в Малом театре. Сюжет комедии незатейлив, но одесскому окружению Чехова казалось, что он должен был "задеть" его.

В Эльзасе проживает убежденный холостяк Фриц Кобюс, которого играл А.П. Ленский. Его приятель, сторонник брака, добрый и честный Девид Зихель (О.А. Правдин), предсказывает, что Фриц вскоре женится. Это невероятное предсказание, однако, сбывается. Фриц влюбляется в Сизель (Г.В. Панова) и женится на ней. Естественное чувство побеждает надуманные, несогласные с природой принципы. Вот и все. Роль проповедника идеального брака благородного Зихеля была одной из лучших ролей знаменитого немецкого трагика Э. Поссарта, который углубил пьесу, придавая рассуждениям своего героя философско-нравственный смысл. Актеры Малого театра делали акцент на перипетиях сюжета. Зрители и критика обратили внимание на исполнительницу женской роли. "Г-жа Панова сумела изобразить прелестный тип молодой простодушной невинной девушки. Эта роль как нельзя более подходит к г-же Пановой: она сама так молода, так мила", — писал одесский рецензент.

Милая актриса и ее товарищи по сцене думали, что "Друг Фриц" затронет какие-то струны души их молодого приятеля — ведь и ему в 29 лет, казалось бы, пора создавать свою семью. Но Чехов остался совершенно равнодушен к этой пьесе и ее сюжету, будто и не заметил их. Никакие дипломатические ухищрения Клеопатры Александровны Каратыгиной и Лики Ленской не продвинули отношений Чехова с Пановой. Но надежда утрачена не была. Уже после одесских гастролей, в октябре 1889 года, Каратыгина писала Чехову: "Вот что я Вам скажу, адски нарядный литератор! Сидит у меня Глафира, и мы Вас адски ругаем. Я ей объявила, что Вы собираетесь к ней с визитом. Но она заявляет, что Ваше намерение... равняется желанию совсем не бывать у нее". Осенняя Москва с ее заботами — это не летняя Одесса с ее праздностью. Та одесская лирико-драматическая атмосфера иссякла, но интерес Чехова к молодой актрисе не пропал. В ноябре 1889 года Чехов через К.А. Каратыгину послал Г.В. Пановой новое письмо. Оно до нас не дошло. 8 ноября Каратыгина отвечала Чехову:

Почудились мне звуки горечи и горя
В стихах, что Вы Глафире написали...
Спешу исполнить завтра порученье,
По первопутку ответу по назначенью.

Письмо Каратыгиной, конечно же, шутка. И вряд ли в стихах к Пановой, сочиненных Чеховым и открыто посланных через третье лицо, действительно слышались "звуки горечи и горя". Но как бы там ни было, в декабре 1889 года Чехов посетил Панову. 7 декабря он писал А.С. Суворину: "Я знавал драматических актрис, перешедших из балета в драму. Вчера перед мальчишником я был с визитом у одной такой актрисы. Балет она теперь презирает и смотрит на него свысока, но все-таки не может отделаться от балетных телодвижений. Ступни ее ног, когда она стоит, находятся всегда в таком отношении (А и В — это носки), что не кажется безобразным" [П. З. 300]. И тут же в письме нарисовал ступни ног и обозначил их А и В. Ну что сказать об этих строчках и этом рисунке? По-видимому, все кончено. Атмосфера одесской беззаботности иссякла, а вместе с ней и кратковременное увлечение Пановой.

Вскоре Г.В. Панова выйдет замуж за актера, переводчика и театрального деятеля Н.Ф. Арбенина (наст. фам. — Гильдебрандт), переедет в Петербург, поступит в Александринский театр, и Чехов, как и во многих подобных случаях, по существу, потеряет ее из виду. И тут возникает вопрос. Неужели Чехов, расставшись со многими женщинами, которыми какое-то время был увлечен, потом не вспоминал и не думал о них? Их много, этих женщин, в жизни Чехова.

Евдокия Эфрос (в замужестве Кановицер), Лидия Авилова (урожденная Страхова), Лидия Мизинова (в замужестве Санина), Лидия Яворская (в замужестве Барятинская), наконец, Глафира Панова (в замужестве Гильдебрандт).

И разве пронзительные строки "Дома с мезонином" не относятся к самому Чехову? "В минуты, когда меня томит одиночество, и мне грустно, я вспоминаю смутно, и мало-помалу мне почему-то начинает казаться, что обо мне тоже вспоминают, меня ждут, и что мы встретимся. Мисюся, где ты?"

Руководителя одесских гастролей, или, как его называли официально, "уполномоченного товарищества" Осипа Андреевича Правдина, человека литературного, лично знавшего А.Н. Островского, И.С. Тургенева, А.Ф. Писемского, Чехов заметил давно и еще в первые московские годы окрестил его артистическим "светилом". Как управляющий поездкой Правдин был занят всякого рода организационными делами и в дружеских беседах и застольях, при всей своей любви к ним, участвовал редко.

О.А. Правдин вспоминал, что Чехов с интересом отнесся к его исполнению "Записок сумасшедшего" Н.В. Гоголя, с которыми он выступал во время одесских гастролей. Об этом стоит сказать подробнее. В 1880-е годы "За-

писки сумасшедшего" имели большую популярность на концертной эстраде. Громадным успехом пользовалось театрализованное чтение их знаменитым провинциальным актером В.Н. Андреевым-Бурлаком. Сцена изображала больничную палату, актер выступал в одежде умалишенного. Готовясь к этому моноспектаклю, Андреев-Бурлак посещал психиатрическую лечебницу, откуда взял многие подробности натуралистического, физиологического свойства. Если иметь в виду, что в то время театр и зрители проявляли повышенный интерес к натурализму, к изображению людей надломленных, психически ущербных, душевнобольных, то станет понятен триумф Андреева-Бурлака в этой роли. Чехов видел Андреева-Бурлака — Поприщина дважды, вспоминал о нем в "Осколках" (1884, № 13; 1885, № 30).

В 1882 году на XI Передвижной выставке демонстрировалась картина И.Е. Репина "Поприщин", собиравшая около себя толпы людей. Картину эту высоко ценил Л.Н. Толстой. Возник вопрос: кто изображен на картине? Многие считали, что написан портрет Андреева-Бурлака-Поприщина. Однако тогда же в печати появилось сообщение о том, что Репину позировал О.А. Правдин, также выступавший в этой роли.

Все эти события предшествовали знакомству Чехова с "Записками сумасшедшего" в исполнении Правдина.

Как бы там ни было, гоголевская повесть глубоко запала в сознание Чехова. В "Чайке" Тригорин вспоминает Поприщина, а в "Трех сестрах" Маша — "гоголевского сумасшедшего".

Интересным собеседником для Чехова в Одессе оказался актер Малого театра на ампула комика-резонера Иван Николаевич Греков.

Одесские гастроли стали рубежом в жизни Грекова. Он ощутил в себе вкус к организационной, гастрольной деятельности, желание и силы этим заняться. Уже следующим летом он сам организовал актерское товарищество во главе с Г.Н. Федотовой, А.И. Южиным, К.Н. Рыбаковым, которое играло в Самаре, Саратове, Казани и других больших городах. Успех этой поездки подтолкнул его к решительному шагу: в 1891 году он покинул Малый театр и на три сезона снял театр в Одессе.

Центральной творческой фигурой группы актеров Малого театра был, как сказано, А.П. Ленский. Тридцать лет назад, в сезоне 1875/76 года он служил в Одессе и снискал любовь одесской публики. Когда артист покинул город, местная пресса предсказывала ему "блестящую будущность". Пророчества сбылись. И когда он сейчас приехал вместе с московской группой актеров, "Одесский вестник" писал: "Московское товарищество" чересчур скромничает... Имея в своем составе такую выдающуюся силу,

как Ленский, оно ничем не подчеркнуло его имени, не выдвинуло его... Откуда публике знать, что приехал тот самый Ленский, от которого она лет десять-двенадцать тому назад с ума сходила, устраивала ему овации, подносила адреса, подарки".

Хотя товарищество не рекламировало Ленского как премьеры, он, по существу, им был и участвовал во всех спектаклях в главных ролях. Он играл Гамлета, мольеровского Дон Жуана, Чацкого, Глумова, Великатова и другие, не столь громкие роли.

Известно, что Чехов видел в Одессе "Гамлета", "Горе от ума" и "Дон Жуана" с Ленским в центральных ролях. Что касается других пьес, то свидетельств на этот счет нет. Трудно предположить, чтобы, проводя все время в компании актеров Малого театра, Чехов не смотрел новые пьесы, поставленные там, такие, как "Цепи" А.И. Сумбатова-Южина или "Последняя воля" В.И. Немировича-Данченко. Тем более что в обеих пьесах с Ленским играли Правдин и Панова. Но осенью 1888 года он уже смотрел "Цепи" в Малом театре и написал А.Н. Плещееву: "Ленский играет Проповьева великолепно" [П. З. 20].

"Гамлет" — любимая пьеса Чехова на протяжении всей его жизни. Реминисценции из трагедии присутствуют в ряде его рассказов и пьес. В специальных литературоведческих работах сопоставляются некоторые мотивы "Чайки" и "Гамлета". Ленский играл роль Гамлета уже около двадцати лет, почти не меняя ни внутреннего смысла роли, ни ее рисунка. Его благородный Гамлет отличался рефлексивностью, нерешительностью, бессилием. Но этот, казалось бы, безвольный человек был полон презрения к носителям зла и вдруг обнаруживал страстный обличительный дух.

П.А. Сергеенко, гимназический товарищ Чехова, живший тогда в Одессе, напечатал в "Новороссийском телеграфе" (16 июля 1889 года) рецензию на "Гамлета" с А.П. Ленским. П.А. Сергеенко много времени проводил в Одессе с Чеховым, познакомил его там с И.Н. Потапенко, часто беседовал с ним на литературные и театральные темы. По всей вероятности, речь заходила и о "Гамлете". Во всяком случае, в рецензии П.А. Сергеенко можно усмотреть кое-какие чеховские мысли о великой трагедии.

П.А. Сергеенко знакомил Чехова с достопримечательностями города, с известными литераторами. Кроме Потапенко он свел его с одесским литератором С.И. Сычевским, писавшем о Чехове. Совсем недавно в газете "Одесский вестник" (29 апреля 1889 года) Сычевский доказывал, что автор наделил "Иванова" "позорно-возмутительными" чертами и постарался "уронить своего героя в глазах читателя".

Пребывание Чехова в Одессе заставило многих жителей города вспомнить об "Иванове", который шел тут весной в исполнении труппы московских актеров под управлением Н.Н. Соловцова с В.Н. Давыдовым в роли Иванова. Местная пресса предложила воспользоваться приездом Чехова и вновь поставить "Иванова" "под его руководством". Конечно, случись такое, это могло быть интересно. Но предложение запоздало — оно опубликовано в "Одесском листке" 16 июля 1889 года, а 15 июля Чехов выехал из Одессы в Ялту.

В письме к Свободину он рассказал о своей поездке. Свободин отвечал: "Ведь Вы за границей-то не были, ах Вы злодей! Италию, Рим променяли на разные Ланжероны и Дерибасовские улицы". Ехать вместе за границу Чехова звал А.С. Суворин.

После тех двенадцати одесских дней интерес Чехова к Малому театру, его искусству, его актерам заметно возрос. Чехов стал чаще писать — "у нас в Малом театре". Почти все актеры, с которыми Чехов был в Одессе, находились и потом в поле его зрения. Особенно сблизился он с Ленским. Они часто встречались, бывали друг у друга, посещали известный в литературно-художественных кругах салон С.П. Кувшинниковой. Так продолжалось до весны 1890 года. Чехов отправлялся на Сахалин. В день отъезда, когда хлопот было более чем достаточно, Чехов нашел время отправить Ленскому записку: "Прощайте, голубчик. Уезжаю сегодня. Ярославский вокзал, 8 ч. веч. Чеховы, Кувшин(никовы) и Левитан провожают меня до Троицы (ныне г. Загорск. — **Ан. А.**). Приглашают Вас. Желаю всего хорошего. Ваш Чехов" [П. 4. 64]. И потом, после возвращения с Дальнего Востока, Чехов часто виделся с Ленским, звал актера поехать вместе с ним во Владимирскую губернию на Стекланный завод, где учительствовал И.П. Чехов. Чехов смотрел "Пучину" Островского в исполнении учеников Ленского. Ленский прислал Чехову билет на спектакль 2 марта 1892 года, рассказ "Попрыгунья". Вскоре он прочитает его и поссорится с Чеховым.

"Попрыгунья" — самый "личный" рассказ Чехова. И хотя писатель открещивался от "прототипов", именно в этом рассказе, как ни в каком другом, за героями стоят вполне реальные люди. Они, эти реальные люди, посетители салона С.П. Кувшинниковой, узнали себя представленными в ироническом свете, а описание романа Ольги Ивановны с художником Рябовским было воспринято как пасквиль на отношения Кувшинниковой и Левитана. Обиды, объяснения, разрыв дружеских связей. Левитан хотел вызвать Чехова на дуэль, Ленский написал Чехову "убийственное пись-

мо". С некоторыми друзьями Чехов помирится скоро, с Левитаном через три года, с Ленским — никогда.

Таковы вехи взаимоотношений Чехова и Ленского. Сюда вместились многочисленные беседы о театре, рассказы Ленского о провинциальной сцене и деятельности Малого театра.

Ленский, так же как и Чехов, испытывал чувство неудовлетворенности современным театром и почти всегда находился в состоянии творческого беспокойства. Актер понимал, что его исключительные герои не открывали новых перспектив, что избранность — удел старого театра. Он тянулся за Чеховым, проявляя интерес к простым персонажам, и его творчество воспринималось как пограничное между старым и новым искусством.

